

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080015156-8

Для цитирования: Тишин В.В. [Рец. на:] Rezakhani Kh. *ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity*. Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. xiv, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 264–268. DOI: 10.31857/S086919080015156-8

For citation: Tishin V.V. [Review of:] Rezakhani Kh. *ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity*. Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. xiv, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 264–268. DOI: 10.31857/S086919080015156-8

REZAKHANI KH.

REORIENTING THE SASANIANS: EAST IRAN IN LATE ANTIQUITY.

Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. XIV, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5

© 2021

В.В. ТИШИН ^a

^a – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
ORCID: 0000-0001-7344-0996; tihij-511@mail.ru

Название книги иранского исследователя Х. Резахани «*ReOrienting the Sasanians*» на английском языке содержит игру слов. Формально подразумеваемый перевод «ПереОриентация Сасанидов» в той орфографической форме, в которой оно обозначено в книге, будет означать буквально «ПереВосточивание Сасанидов».

Х. Резахани поставил задачу систематизировать данные по истории соответствующей эпохи районов Средней Азии и Афганистана (у автора – «the regions in Central Asia and the Hindu Kush»), которые он предлагает определять как «Восточный Иран» («East Iran») (р. 3). Он стремится показать, что происходившее на восточных границах империи Сасанидов имело для ее истории не меньшее значение, чем то, что случалось на ее западных рубежах (р. 4). Особенность книги состоит в том, что для реконструкции и детализации исторических событий автор активно привлекает нумизматический и эпиграфический материал, отводя письменным источникам второстепенную роль (р. 26). Именно это обстоятельство обуславливает и новаторство, и в то же время прекрасно осознаваемую самим автором уязвимость его реконструкций (р. 26–27).

В предисловии (Preface, р. 1–6) и введении (Introduction, р. 7–26) автор обосновывает цель работы, говорит о своих теоретическо-методологических и методических предпочтениях, а также обсуждает источниковедческие проблемы. Основная часть работы представлена девятью главами, изложенными чуть менее чем на 160 страницах.

Глава 1 «Сасаниды и сисанцы» (The Sasanians and Sistanis, р. 27–45) посвящена становлению династии Сасанидов и их связям с восточными регионами будущей империи. Автор обращает внимание на то, что Систан, где тогда раскинулись владения индо-парфянской династии, уже с самого начала династии Сасанидов попал в ракурс внимания ее правителей,

будучи завоеван уже при Артахшѐре I. Отмечая значение этого события, автор рассматривает Систан как «ворота для покорения Восточного Ирана» (р. 30: «a gateway to the subjugation of East Iran»). Подробно рассмотрены сильные и слабые стороны гипотезы о связи индо-парфян с образованием индо-скифов, возникшим в результате сакского вторжения во второй половине II в. до н.э. и положившего конец индо-греческому владычеству. Во главе него стояли такие правители, как Мауэс и Азес. Недостаток материала не позволяет делать уверенных заключений, но, видимо, современником Азеса был правивший в Дрангиане/Сакастане/Систане некто Вонон – человек, носивший имя, известное среди Аршакидов, чей сюзеренитет он, вероятно, признал (р. 30–33). Его преемники, брат и племянник носили, соответственно, имена *Спалахора* и *Спалагадама*, содержащие элемент *spala-*, что отсылает к восточно-иранским языкам: ср. др.-ир. *spara-* «войско», парф. *spāda-*. Х. Резахани допускает сопоставление известных по монетам правителей, именовавшихся Спалагадама и Гондофар (р. 36–37). С последним связывается возвышение образованной династии. Среди прочего интересно сделанное на основе анализа иконографии монет последнего правителя династии индо-парфян Фарн-Сāsāна наблюдение о его претензиях на верховное правление, а также указание на возможность искусственного возведения потомками Артахшѐра I их происхождения к некоему Сāsāну (чье имя распространено в ономастике индо-парфян) и, следовательно, гипотеза о «восточно-иранском происхождении» самой династии Сасанидов (р. 42–45).

Глава 2 «Кушаны и Сасаниды» (The Kushans and the Sasanians, р. 46–71) является в общем попыткой показать не меньшее значение кушан для истории Ирана, чем для истории Индии, Афганистана и Пакистана (р. 47). Автор заранее предупреждает, что его реконструкция истории кушан будет отражать только наши современные знания и непременно разрушится после появления новых источников (р. 47). Он подробно обсуждает сложности, связанные с проблемой происхождения кушан, умаляя ее значимость для данной книги. Здесь он следует сложившейся схеме отсчета начала истории кушан с миграции конфедерации кочевых племен, известных по китайским источникам как *юэ-чжи* 月氏/月支, отождествляемых с тохарами, почему соответствующий регион впоследствии и получил название Тохаристан (с. 49–53, 72). После длительной эры благоденствия и процветания расширившихся владений кушан их столкновение с Сасанидами при Шāpūре I, по-видимому, привело к утрате ими Бактрии/Тохаристана, где воцарилась ветвь сасанидского дома, известная как «кушано-сасаниды» или «кушан-шахи» (р. 68, 70). Емкий обзор политической, нумизматической и культурной истории Кушанского царства не имеет прямого отношения к истории Сасанидов, но, по мнению Х. Резахани, именно кушаны, впервые установившие господство над территориями по обе стороны Гиндукуша, распространив здесь влияние греко-бактрийского языка, способствовали созданию великолепного искусства, объединившего элементы различных культур, и положили начало иконографии монет, оказавшей влияние на нумизматическую традицию всех последующих политических образований (р. 70–71). Автор приходит к выводу о том, что «кушаны были первой культурной и политической силой, управлявшей Восточным Ираном» (р. 71).

Глава 3 «Кушано-сасаниды и Восточный Иран» (The Kushano-Sasanians in East Iran, р. 72–86) посвящена локальным правителям Тохаристана, носившим характерные для сасанидского ономастического имена (отмеченные у них даже раньше, чем у старшей ветви династии), но использовавшим в чеканенных ими монетах с пехлевийскими или бактрийскими легендами сочетание *царь кушан*. Они, по-видимому, были достаточно автономны или даже независимы от центральной сасанидской власти, что может объясняться сложностью централизации на ранней стадии создания империи, а также существованием на уже отторгнутых у кушан территориях устойчивых управленческих традиций (с. 76). Автор

пытается восстановить хронологию этой династии и некоторые детали ее политической истории, а также проследить по особенностям монет постепенное уменьшение их амбиций и возможностей вплоть до их падения под натиском кидаритов и возрастания могущества Сасанидов ближе к концу IV в.

Глава 4 «Иранские гунны и кидариты» (The Iranians Huns and the Kidarites, p. 87–103) посвящена вопросам хронологии появления кидаритов. Гибель кушано-сасанидов гипотетически объясняется действиями Шāpūra II, стремившегося предупредить вторжение кочевников на его восточные территории и укрепить рубежи своих владений (p. 86, 87). Это вторжение связывается с народом, именуемым китайскими источниками *сюн-ну* 匈奴, в византийской традиции известным под именем *хиониты* (лат. *Chionitae*, ср.-греч. χιόνες), восходящим, вероятно, к пехл. *Хуōн*; с первым же связывается происхождение параллельно употреблявшегося согд. *хwn*. Это следует из статьи К. Этвуда, упомянутой в книге выше (p. 50, note 10). Х. Резахани рассматривает появление хионитов, кидаритов, эфталитов и алханов, обычно условно обобщенно именуемых «иранскими гуннами», как следствие одной миграции, связывая это единственно достоверно зафиксированное вторжение в Среднюю Азию с народом, которого китайские источники знают как *жуань-жуань* 蠕蠕. По косвенным данным, оно могло состояться ок. 357 г. (p. 88–89). С опорой на нумизматические аргументы, автор выступает в пользу мнения, согласно которому правление кидаритов в Бактрии, Кабуле и Гандхаре следует относить к промежутку 370–457/468(?) гг. Их владычество сохранялось затем в Самарканде по меньшей мере до 509 г. Замечательно также наблюдение о возможной связи между кидаритами и алханами (p. 101–102).

Глава 5 «Алханы в районах Южного Гиндукуша» (The Alkhans in the Southern Hindu Kush, p. 104–124) посвящена наименее изученной группе «иранских гуннов», факт господства которой в восточной части Бактрии/Тохаристана и Гандхаре выявляется только по данным нумизматики (бактр. *αλχαν(v)ο*). Именно их вторжения в Индию нашли отражение в местной литературной традиции (*пуранах*). Автор допускает, что в основе этнонима лежит эпоним (p. 105–106, 108). Монеты алханов на ранних этапах демонстрируют зависимость от сасанидских образцов, но отличаются от эфталитских монет. Идентифицирующей характеристикой является наличие самостоятельного тамгового знака и искусственно удлиненная форма головы на изображениях правителей. В книге обосновывается, что самостоятельная история алханов отсчитывается примерно с 430 г. (p. 109–110). Автор оставляет открытым вопрос о происхождении алханов, но признает пока наиболее возможным их сопоставление с пехл. *Karmīr Хуōн*, санскр. *hala-hūna* (p. 106–107). К сожалению, он никак не комментирует упоминание у Феофана Исповедника под 563 г. посольства к византийскому двору от неких *Ερμιχίονες*, как и связанное с ним сообщение более раннего автора Феофана Византийца о *Κερμυχίονας*, чье имя выступает как персидское название тюрков (Тоῦρκοι <...>, οὗς Πέρσαι οἰκεῖα ὕλῳσση *Κερμυχίονας* φάσι) (см., напр.: [Moravcsik, 1983, S. 158–159]).

Глава 6 «Эфталитская империя и ее преемники» (The Hephthalite Empire and Its Successors, p. 125–146) посвящена народу, достаточно хорошо известному исследователям, но Х. Резахани дает новую интерпретацию некоторых деталей. Эфталиты появляются, по-видимому, ок. 460 г., занимая Тохаристан после поражения кидаритов. Так называемое восстание маздакитов, по мнению автора, имело не религиозную или социальную подоплеку, а было выступлением антиэфталитской группировки сасанидской знати (p. 131–132). Он также заключает, что именно объединение при эфталитах Тохаристана и Согдианы в рамках одного политического пространства «создало ядро позднесасанидской и раннеисламской провинции Хорасан» (p. 146).

Глава 7 «Согдиана в кидаритский и эфталитский периоды» (Sogdiana in the Kidarite and Hephthalite Periods, p. 147–156) дает краткий обзор истории региона, в пределы которого в

расширенном понимании включают территории «от Бухары на западе до Худжанда и даже Ферганы на востоке». В период IV–V вв. здесь происходят значительные процессы урбанизации, а затем благодаря поступлению к эфталитам сасанидского серебра, выплачиваемого в качестве дани, развитие купечества, что отразилось в создании согдийских торговых колоний в Семиречье и далее – в Восточном Туркестане и Гань-су. Упомянутое в это время слово *xwn*, следуя автору, вероятнее всего, связано с более ранними кочевническими вторжениями, нежели теми, что имели место в IV в., т.е. это *сюн-ну* 匈奴 или *юэ-чжи* 月氏 (р. 148). С завоеванием вождем этих *xwn* территории Бухарского оазиса в V в. автором связывается приводимая в «Ta' rûx-i Buxārā» ан-Наршаху легенда, где фигурирует предводитель тюрков, называемый *بياغو* [byâġw], т.е. *بياغو** [ybâġw] (р. 149). Автор присоединяется к версии об их отождествлении с кидаритами, чье владычество в Согдиане завершается в 509 г., когда ее завоевывают эфталиты. Один из обсуждаемых здесь вопросов – это присутствие буддизма в регионе в период господства кидаритов и эфталитов, по крайней мере, во владениях Уструшана, для подтверждения чего автор находит ряд аргументов (р. 154–155).

Глава 8 «Нэзакский и тюркский периоды» (The Nēzak and Turk Periods, p. 157–175) уделяет значительное внимание такой локальной династии как *Hēzak*, известной по монетам с пехлевийской легендой *пу́кы MLK'* и возвысившейся на территории между рр. Кабул и Забул после событий 484 г.; ее ветвь правила в Кабулистане до VII в., когда уступила место тюркской династии, в Забулистане – по-видимому, до начала VIII в. В то время как Тохаристан постепенно утратил свое политическое и экономическое значение, сделавшись периферией на фоне переживавшей экономический подъем Согдианы, Нэзакам удалось создать здесь не столь значительное, но довольно крепкое владение. Их монеты отличает использование именно пехлевийского языка, а также появление такого элемента как голова быка над короной на изображении правителя. В книге приводятся аргументы в пользу того мнения, что во второй половине VII в. именно представители этой династии в Забулистане носили титул, отмеченный в арабских источниках как *رتيل* [r.tbyr], бактрийских – *hilitbēr*, что обычно реконструируют как **eltābār* (р. 166–169). Интересны еще попытки выявить связь между этими правителями Забулистана и известными со второй половины VII в. правителями Кабула с титулом *тегин* (р. 170–171), а также поместить в исторический контекст монеты с именем *павоγоло*, которое автор склонен связывать с предводителем сопротивления против арабов во второй половине VII в., допуская еще отождествление с Нэзак тархāном (р. 172–174).

Глава 9 «Тохаристан и Согдиана в позднесасанидский период» (Tokharistan and Sogdiana in the Late Sasanian Period, p. 176–184), несмотря на небольшой объем, также показывает возможности новых интерпретаций на основе нумизматических данных. Занятие тюрками в 588 г. Балха было нарушением соглашения, достигнутого между ними и Сасанидами после разгрома эфталитов. Несмотря на поражение, понесенное от сасанидской армии, тюрки, как показывает, в частности, отсутствие сасанидского нумизматического материала, в итоге овладели территориями также к югу от р. Аму-Дарья, поставив в Тохаристане правителя с титулом *йабгу*, что было вынужденной мерой ввиду отдаленности этих земель от центральной ставки (р. 178–179). Его монеты сочетают позднесасанидское и нэзакское влияние. Остается неясным видение автором хронологии, когда все же тюрки завладели этими территориями. Автор никак не комментирует сюжеты, связанные с восстанием Бестāма и походом Смбата Багратуни за р. Аму-Дарью.

В главе уделено внимание и судьбе членов сасанидского дома, бежавших на восток после фактического падения династии ввиду поражения от арабов и затем пытавшихся восстановить свое положение при помощи тюрков и империи Тан вплоть до середины VIII в. (р. 182–184). Именно битва при Таласе 751 г., похоронившая амбиции танских императоров

и одновременно надежды сасанидских династов, рассматривается как хронологическая черта, логично завершающая основное изложение.

Под пунктом 10 следует «Общее заключение и послесловие» (General Conclusions and Postscript, p. 185–193). Здесь автор с самого начала пытается обратить внимание на то, что собственная внутренняя история затронутого им в работе региона «Central Asia» в целостности мало привлекает внимание исследователей, в основном приобретая вспомогательное значение при изучении истории Китая и Ближнего Востока. Далее следует то, что, в общем-то, можно назвать, собственно, «эпилогом», кратко повествующим о дальнейшей судьбе «Восточного Ирана» (p. 187–189), затем еще два раздела, в одном из которых автор возвращается к обоснованию своей работы, а в другом – говорит о перспективах дальнейших исследований.

В качестве своеобразного приложения под пунктом 11 преподнесен очерк с названием «Эпилог и экскурс касательно Шахнаме» (Epilogue and Excursus on the Shahnameh, p. 194–198). Здесь обосновывается, что значительная часть мотивов иранского эпического цикла, отраженного в «Шāх нāме», сложилась на территории «Восточного Ирана» под влиянием соответствующих событий.

Завершают книгу библиография (Bibliography, p. 199–234) и приложенный указатель (Index, p. 235–242). Работа также снабжена картами (p. xi–xiii).

Мы видели свою задачу в том, чтобы ознакомить с этой книгой читателя русскоязычного пространства. Не столько связанная, собственно, с историей Сасанидов, она, несомненно, будет востребована исследователями истории Средней Азии и сопредельных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. 3. unv. Aufl. Bd. II. *Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen*. Leiden: E.J. Brill, 1983. XXV, 376 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИШИН Владимир Владимирович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vladimir V. TISHIN, PhD (History),
Senior Research Fellow, Department of History
and Culture of Central Asia, Institute
for Mongolian Studies, Buddhology
and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia.